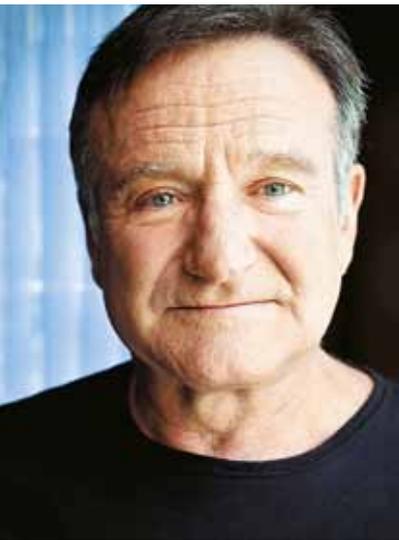


Александр Ткаченко

Мой страшный сон



Умер актер Робин Уильямс. И как-то нехорошо умер, хотя и не написали пока об этом в газетах с полной определенностью. Ну, да оно и к лучшему, быть может, что не написали. Самоубийство — грех тяжкий, тут уж лучше промолчать лишний раз, чем ошибочно обвинить в нем человека. Грустный клоун, который даже в самой серьезной из своих ролей мог вызвать нежданную улыбку, а в самой смешной — растрогать до слез, Робин Уильямс, бесспорно, был одним из самых выдающихся актеров уходящей киноэпохи. И обсуждать подробности его смерти мне совсем не хочется: теперь его судит Бог.

Но так получилось, что сразу же после известия о его кончине я посмотрел фильм с его участием. Раньше я его никогда не видел, он не очень известен. Кино называется «Пробуждение». Посмотрев его, я понял, что на самом деле я... сплю. Да-да, самым натуральным образом. Только не подумайте, что я банально задремал во время просмотра. Нет, я понял, что сплю — вообще, почти всё время своей жизни, даже когда бодрствую. А еще понял, что это про меня сказал Христос — «...пусть мертвые хоронят своих мертвецов».

Разбудите доктора

Впрочем, сначала следует рассказать, о чем сам фильм, вызвавший эти невеселые мысли. Сюжет его прост: герой Робина Уильямса — скромный и застенчивый медик-исследователь доктор Сэйер — волею судьбы вынужден поступить на работу в обычную больницу. В его распоряжение попадают полтора десятка пациентов, которые уже тридцать лет находятся в кататоническом ступоре и воспринимаются другими врачами как «овощи». Однако Сэйер случайно обнаруживает, что у этих «застывших» людей присутствует сознание и с ними возможно наладить контакт. Движимый исследовательским чутьем, он начинает искать причину странного заблуждения. И находит ее. И даже обнаруживает экспериментальное лекарство, способное помочь его больным. Первым излеченным становится пациент Леонард (Роберт Де Ниро). Чудесным образом этот человек, еще в детстве впавший в ступор, возвращается

к жизни после 30 лет пребывания в таком состоянии. А за ним пробуждаются и все другие пациенты доктора Сэйера. Для каждого из них это становится тяжелым испытанием, ведь огромная часть жизни потеряна безвозвратно. И всё же они счастливы вернуться к нормальному существованию. Однако через некоторое время лекарство перестает действовать, и пробудившиеся снова начинают впадать в ступор.

Создатели фильма вложили в него следующую мораль: пробудившиеся от своей болезни люди сумели «разбудить» доктора Сэйера, который благодаря этой истории понял, что главное лекарство — не порошки, а дух человека, который просто нужно поддержать в трудный момент. Рядом с чужим страданием человек раскрывает свое сердце, становится чище, лучше, и сам пробуждается от духовной спячки. Это, конечно же, верно, и я никоим образом не собираюсь спорить с авторской трактовкой. Но за этим очевидным смыслом фильма мне видится еще один, куда более трагичный.

Они всё забыли!

Доктор Сэйер в докладе перед попечительским советом больницы называет состояние Леонарда физиологическим эквивалентом сна или даже смерти. То есть возвращение его к нормальной жизни можно было бы назвать и не пробуждением даже, а воскресением. Трудно представить, через какие страдания прошла душа человека, тридцать лет пролежавшего без движения, однако сохранившего при этом способность видеть, слышать, думать, чувствовать. Но что же говорит всем нам этот воскресший человек? Однажды среди ночи он просит позвать к нему доктора Сэйера. И, волнуясь, начинает свой сбивчивый монолог:

— Мы должны всем сказать! Мы должны напомнить людям — как это хорошо!

— Что хорошо, Леонард?

— Почитайте газету! Что там написано? Все плохо. Хуже некуда. Люди забыли, в чем смысл жизни! Они забыли, что значит — жить! Им нужно напомнить... Напомнить о том, что у них есть и что они могут потерять. Я чувствую радость жизни. Жизнь — это дар. Жизнь — это свобода. Жизнь — это чудо!

Он повторял, что люди перестали ценить самые простые вещи — работу, игры, дружбу, семью. И доктор ничего не смог ему возразить на это. Потому что с воскресшим человеком трудно спорить — у него есть опыт бытия в смерти, из которого он может не просто оценивать нашу жизнь, но — судить ее.

Праведный Лазарь, друг Божий — тот самый, которого Христос воскресил после четырехдневного пребывания в гробу, — тридцать лет провел на острове Крит,



Кадры из фильма
«Пробуждение»
(реж. Пенни Маршалл,
1990)

будучи там епископом города Китион. По преданию, до самой своей второй смерти побывавший в аду святой Лазарь больше никогда не улыбался и только однажды нарушил это правило. Случайно он стал свидетелем кражи: кто-то захотел украсть горшок. Увидев это, святой Лазарь улыбнулся и с горечью воскликнул: «Глина крадет глину!»

Леонард в фильме тоже потрясен тем, на что люди тратят свою жизнь, кажущуюся им бесконечной. Он пытается наверстать всё, что болезнь за тридцать лет отняла у него: вместе с постаревшей мамой играет в конструктор — ведь болезнь не дала им доиграть, читает книги, рисует, пишет, гуляет с доктором по городу. Он пытается наладить отношения с понравившейся ему девушкой, хотя для него это очень непросто — болезнь вырвала его из жизни, когда Леонард был еще мальчиком, и это для него самая первая попытка сближения с женщиной. Короче говоря — он изо всех сил старается жить. И когда болезнь снова подступила к нему и стало ясно, что рецидив неизбежен, Леонард гневно обличает своего доктора. Но совсем не за то, что тот плохо его лечил, а за бессмысленное существование, в которое Сэйер превратил свою жизнь:

— Леонард, посмотри на себя...

— Нет, это вы на себя посмотрите! Болезнь вырвала меня из мира. Но я хотя бы боролся за возвращение. Тридцать лет боролся. Тридцать долгих лет! И до сих пор борюсь. А вот у вас — нет оправдания. Вы просто испуганный одинокий человек. У которого ничего нет, никакой жизни. Это вы — спите!

У тебя нет никакой жизни!

Вот после этих слов мне и стало не по себе. Потому что мне тоже нечего ответить на это обличение. Я тоже — сплю. Хотя вроде бы не одинокий, и не очень испуганный. Но... ощущение такое, будто жизнь течет своим чередом, а я сижу на берегу и лишь наблюдаю за ней, боясь подойти и окунуться в давно намеченные дела, встречи, поездки... А ведь она не бесконечная, эта моя жизнь. Уже вон борода поседела, а я до сих пор живу так, будто у меня всё еще впереди и можно особо не торопиться. Такая вот иллюзия. Или сон — тут уж как назовешь... А на самом-то деле впереди не жизнь, а смерть. Которую нужно не просто ждать, а — готовиться к ней. Чистить свою душу, и, пока еще есть время, менять в себе то, что после смерти может стать для меня катастрофой. Только я не то чтобы готовлюсь, а вроде бы даже и не жду эту страшную гостью, лениво отгоняя мысли о неизбежности ее прихода...



Португальский поэт Фернандо Пессоа описал такой сон души в прекрасных стихах:

Еще не стугились тени,
Но всё холоднее высь.
Бичуя опустошенье,
Над сердцем ветра взвились.

О, канувшие удачи,
Которых не нужно мне!
О, сон, что живешь иначе,
И жизнь, что ведешь во сне...

(Перевод Б. Дубина)

Всё так и есть. И вырывать себя из этого сна каждый день приходится заново, усилием воли, через «не могу». Странная вещь, не правда ли? Казалось бы, чего проще — живи и радуйся жизни. А вот... не получается так, по-простому. В сущности, и заповеди Евангелия тоже ведь просты и естественны, поскольку в них Господь дает нам некий образец, норму нашей человечности. Однако стоит хотя бы несколько часов внимательно последить за своим сердцем, и станет ясно: не выходит у нас вот так — просто, не прилагая усилий, жить без зависти, осуждения, вожделения, неприязни и всей прочей духовной гадости, от которой предостерегает Евангелие. Но ведь жизнь — это и есть лишь то, что по Евангелию. А то, что вопреки ему — смерть. Выходит, для того чтобы жить, мне обязательно нужно прилагать усилие — духовное, нравственное, физическое. Понуждать себя к добру, чтобы выбраться из этой своей греховной мертвости...

Конечно, ничего такого напрямую в фильме не сказано. Но так уж у меня все совпало — смерть Робина Уильямса, просмотренный фильм, стихи Пессоа... Поэтому гневный окрик Леонарда «Посмотри на себя! У тебя нет никакой жизни, ты — спишь» я воспринял как обращенный ко мне. И очень захотел проснуться. ♣